

В качестве начала европейской алкогольной и безалкогольной традиций рассматривается так называемая «гомеровская Греция», точнее, хронологические рамки мы принимаем следующие: от конца эпохи миграций (конец XI - начало X вв. до н.э.) до ранней стадии так называемой «архаической революции» (вторая половина VIII в. до н.э.). За начало не могут быть приняты более ранние этапы развития культуры жителей Балканского полуострова и прилегающих к нему островов. Так, «культурные достижения жителей Крита вследствие изолированности острова не имели большого влияния на становление европейской цивилизации» [1, 98]. Разрыв этнической и культурной преемственности, произошедший в ходе дорийского завоевания, позволяет увидеть самое начало складывания культурного ореола вокруг психоактивных веществ, формирования моделей раскованного поведения, специфических форм рекреации, взаимоотношений между полами в свете употребления психоактивных веществ. Что же можно принять за точку отсчета? Образ жизни человека крито-микенского периода не мог быть таковым, ибо дорийское завоевание прервало преемственность. О быте дорийских племен до их прихода на территорию Греции известно очень мало. Очевидно, что отношение дорийцев к психоактивным веществам отражало наследие первобытной эпохи [подробнее: 2]. Реальное начало античного винопития можно обнаружить в гомеровской Греции. За прошедшие с той далёкой эпохи века к интересующей нас теме обращались тысячи исследователей из многих стран и народов. Все бесконечное разнообразие их научных трудов можно условно разделить на две группы. 1) Отечественные (Ю.В.Андреев, М.Л. Гаспаров, А.И. Зайцев, Л.С.Клейн, А.Ф.Лосев, С.Ошеров, И.В.Шталь и многие другие) и зарубежные (Д.Бартон, А.Боннар, Ф.Велишский, Д.Зонин, Д.Трабулси и другие) исследователи, изучавшие гомеровскую эпоху специально или как составную часть древнегреческой цивилизации. 2) Ученые, изучавшие историю алкогольных обычаев и противоалкогольных инициатив (С.Бакиоки, Д.Бородин, Ф.Н.Петрова, С.Н.Шевердин, А.Н.Якушев и др.) Единственным систематическим источником о повседневной жизни эпохи являются поэмы Гомера. Живопись гомеровской Греции до нас не дошла. Керамика, являющаяся столь источником информации для последующих периодов, дает мало сведений. Геометрический орнамент ваз гомеровской эпохи не передает информации о повседневной жизни греков, как это можно наблюдать на керамике классического периода. Мелкая пластика несовершенна, она может служить лишь косвенным источником. Остается творчество Гомера, однако реконструкция тех или иных черт образа жизни на основании одного источника будет носить гипотетический характер. Одним из первых отличий модели поведения Гомеровской эпохи от древневосточных и современных является употребление алкоголя - в очень слабой концентрации. Вино употребляется смешанным с водой. Гомер многократно говорит о смешении вина [например, III., III, 270; IV, 260; VIII, 189; XI, 624; Od., I, 108; X, 356-

357; XVI, 13-14, XVIII, 424, XX, 252-253], в последующие периоды античной истории вино будет смешиваться со льдом, но гомеровские греки лед не используют. С.Ошеров дал данной проблеме следующий комментарий: «Греки всегда пили вино, разбавленное водой» [3, 505]. Он же почти дословно повторил его в примечаниях к «Одиссее»: «Греки всегда пили разбавленное вино» [4, 373]. Данное утверждение не соответствует истине. Уже в «Одиссее» дважды встречаются факты употребления неразбавленного вина. Однако оба раза употребляют его недалекие индивидуумы. «...вкусным крепкий напиток ... показался ... безумцу» Полифему [Od., IX, 353-354, 361]. Другой потребитель – «Ельпенор, неотличный смелостью в битвах, нещедро умом от богов одаренный».[1] Обоим отклонение от принятых норм алкоголепотребления обходится дорого. Один лишается зрения, другой, «крепким вином охмеленный», гибнет [Od., X. 555 и далее]. Употребление неразбавленного вина в гомеровский период имело место, но представляло собой редчайшее исключение, осуждаемое общественным мнением. Большое количество воды является атрибутом застолья. Когда в доме Одиссея осуществляется подготовка к празднику, Еврикля приказывает: «Все за водою к ключу и скорее назад, поелику // Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив, // Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий”. // Так Еврикля сказала. Ее повинуюся воле, // Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный [Od., XX, 154-158]. Пир, проведенный в доме Одиссея, произошедший ранее вышеописанного, подтверждает отмеченную тенденцию: воды на пир требовалось очень много – «наливали // Воду с вином в пировые кратеры» [Od., I, 107-108]. То есть, вино на заре античной цивилизации многократно разводилось водой. Следовательно, нельзя согласиться с Ф.Велишским, пишущим: «О том, в какой пропорции вино смешивали с водой, нигде не сказано» [5, 278]. Итальянский исследователь Джигани Зонин пишет: «Пропорция воды в вине зависела от крепости вина, но часто составляла 20:1» [6, 39]. Данная цифра, при ее невероятности для современных моделей поведения, не является умозрительной. Об этом дословно говорится в поэме Гомера [Od., IX, 208-211]. Других вариантов разведения вина водой память составителей поэм не удержала. О двадцатикратном разведении вина водой, отраженном в поэмах Гомера, будет вспоминать в римскую эпоху Плиний Старший [Plin. Liber XIV. 6]. Поскольку гомеровские греки не знали дистилляции алкоголя, то понятие «вино», употребляемое без дополнительного определения, часто должно быть понимаемо как современный безалкогольный напиток. Видимо, вином такой концентрации и гасят герои Гомера погребальные костры (так осуществляется прощание с наиболее известными героями Патроком и Гектором: «Сруб угасили, багряным вином поливая пространство // Всё, где пламень ходил» [Ill., XIII, 250-251] и «Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство // Всё, где огонь разливался пылающий» [Ill., XXIV, 791-792]). Многократно разведенное вино не оказывало психостимулирующего

влияния, при неразвитой технике хранения жидкости оно выполняло другую функцию: «По существу, это было лишь средство обеззаразить нездоровую воду греческих колодцев» [7, 173]. Разбавлять вино водой заставляла его дороговизна. Многократно женихов Пенелопы упрекают, что они тратят вино Одиссея («Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно // Тратить» - Od., II, 57-58, «вино, неумеренно пьянствуя тратят» XIV, 95, см. также XVII, 532-533, XX, 312, XXII, 56). Аристократы на пир порой приносят вино с собой: «В доме царя собрались тем временем званые гости, // Коз и овец приведя и вина дорого принеся» [Od., IV, 621-622]. Вино служит трофеем. Одиссей и его спутники «наполнили много скудельных сосудов // Сладким напитком, разрушивши город священный киконов» [Od., IX, 164-165]. Основным потребителем вина предстает по «Илиаде» и «Одиссее» правящая элита. Застолья были частью аристократического образа жизни, описанного современными исследователями как «демонстративная праздность» [8, 48]. В повседневной жизни вино должно было встречаться реже. Аналогия можно увидеть в описании продуктов питания Гомером. Главным яством, по «Илиаде» и «Одиссее», было мясо, продукт очень дорогой в реальной жизни. Не упоминается рыба, привычный продукт питания в те дни [9, 91]. Следы того, что картина алкоголепотребления, нарисованная Гомером, нуждается в корректировке, можно увидеть в приправе к вину, подаваемой Гекамедой Ахиллесу и Патроклу. Она подает героям в качестве приправы «медное блюдо со сладостным луком» [III., XI, 630]. Острый запах от лука в качестве закуски к вину будет вызывать немало насмешек в окружении Сократа и самого великого философа [Ксенофонт. Пир, 4, 7-9]. Уровень жизни Сократа относил его к низам Афин, и даже там лук вызывал иронию. Следовательно, политическая и военная элита гомеровской эпохи, закусывавшая вино луком, вела достаточно скромный образ жизни. Впрочем, и другие социальные категории имели доступ к алкогольным изделиям. В поэмах неоднократно употребляют спиртное нищие, рабы [Od., XX, 112-113] и один раз землепашцы. Опьянение используется как способ бросить вызов существующей системе социальных ролей. Критикуя неадекватное поведение Одиссея, представившегося женихам в виде нищего, Антиной интерпретирует это как поступки опьяневшего человека: «Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился? // Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше, // Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры // Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому // Нищему не было нами позволено? Все недоволен! // Видно, твой ум отуманен медвяным вином» [Od., XXI, 288-293]. Итак, алкогольные изделия и раскованное хмельное поведение знакомо различным социальным слоям гомеровского общества, хотя элита играет ведущую роль в приобщении к психоактивным веществам. Еще более заметна неоднородность общества с точки зрения употребления алкоголя при учете половой принадлежности героев поэм. Почти все потребители вина мужчины. Контакты

женщин с алкогольными изделиями упоминаются лишь дважды, причем один из случаев - чисто фантастический. 1) Пандаровых дочерей «Афродита богиня питала ... молоком, сладкотающим медом, вином благовонным...» [Od., XX, 68-69] 2) Отправляя Навсикаю в дорогу, мать дает еду, лакомства и вино [Od., VI, 76-78]. Ф.Велишский утверждает: «У Гомера вино пьют не только мужчины, но и женщины [Od., VI, 777; XIII, 57]» [5, 163]. Упоминание строки 777 шестой песни является опечаткой, скорее всего, автором имелась в виду цитированная выше строка 77, посвященная Навсикае. Вторым пример Ф.Велишского посвящен пиру у феаков: «Одиссей хитромысленный, вставши, // Подал царице Арете двурусный кубок» [Od., XIII, 56-57]. Однако событие происходит в ходе ритуального возлияния богам непосредственно перед отплытием Одиссея, когда пир в царском дворце уже завершен. Из текста Гомера нельзя определенно сказать, возвращает ли Одиссей Арете кубок с вином или он уже пуст. Вина в упомянутой Ф.Велишским сцене Арета не пьет. В поэмах Гомера нет сцен, в которых женщины пьют наравне с мужчинами. Джоан Бартон фиксирует внимание на присутствии женщин на пирах у феаков и Пенелопы, принимающей женихов в отсутствие Одиссея. С ее точки зрения, данные факты приближают женский тип винопотребления к мужскому [10, 145]. Однако относительно обоих персонажей Гомер не отмечает потребления алкогольных изделий. Более того, Навсикая [Od. VIII, 457-469] и Пенелопа (во всех трех случаях) остаются стоять в стороне от пирующих мужчин. А Пенелопа вообще выходит на исполнение определенных действий, по исполнению которых она покидает помещение - заступает за Телемаха перед Антиноем [Od. XVI, 414-449], принимает подарки женихов [Od. XVIII, 206-303], вручает женихам лук Одиссея [Od. XXI, 57-83]. Царь Алкиной и Одиссей на пиру сидят [Od, VIII, 533-534]. На пиру женихов сидят даже свинопас Евмей и коровник Филойтий [Od, XI, 89]. Во всех случаях по поводу Пенелопы применяется стандартная формула: останавливается подле столба, закрыв щеки головным покрывалом. Трудно предположить употребление вина со щеками (и ртом), прикрытыми покрывалами. В более архаичной «Илиаде» женщин на пирах вообще не описано. Актом модернизации можно считать сцену из фильма «Одиссея» (1997, режиссер А.Кончаловский), когда служанка пьет вино вместе с аристократом. Нет также оснований считать, что алкоголь играл роль стимулятора сексуальных контактов. По ряду косвенных свидетельств можно судить о меньшей осведомленности женщин по поводу свойств вина. Отправляя сына на битву, мать провозглашает: «Но помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу // Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным; // После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься; // Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет; // Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь» [Классическая формулировка рекреативной роли алкогольного изделия - сколько нам известно - первая в европейской культуре - В.Л.]. «Ей отвечал знаменитый, шоломом сверкающий Гектор: // «Сладкого пить

мне вина не носи, о почтенная мать! // Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость» [III., VI, 258-266]. Воину-профессионалу лучше знакомы реальные эффекты от алкоголя. Женщина могла этого и не знать. Субъективно алкоголь способствует рекреации, объективно нарушает координацию движений и замедляет реакцию. В битве это плохая поддержка, вот почему Гектор отвергает совет матери, знакомой с алкоголем в первую очередь издали. На основании чего женщина могла судить о рекреационных свойствах алкоголя? После битв, вечерами, на отдыхе гомеровские греки действительно использовали алкоголь и субъективно оценивали это как восстановление сил. Объективной проверки субъективных оценок действием тут не происходит. Именно в этом качестве и могли женщины видеть общение мужчин с вином. Оценка мнимых рекреационных функций вина вкладывается в уста не рядового персонажа: «Гектор – любимое детище Гомера. В нем поэт более, чем в любом другом образе, выразил свою веру в человека» [11, 46]. Если женщина гомеровского периода и употребляла, то только вино, многократно разбавленное водой (порядка 20:1, описанного выше), не крепче. О возрастных особенностях потребления вина в Гомеровскую эпоху можно судить лишь косвенно. Полного запрета употребления вина для детей не существовало, однако зафиксировано оно крайне редко. Употребление вина мальчиками упоминается два раза. Первый связан с детством Ахилла [II, IX, 489-491], который в поэмах Гомера наделяется сверхъестественными качествами. Второй случай описан вообще как чисто символический акт – смачивание губ (даже не ротовой полости!): «Сжалась, иной сиротливому чару едва наклоняет, // Только уста омочает и нёба в устах не омочит» [III., XXII, 494]. Потребление вина девочками отмечено лишь однажды [Od, XX, 68-69], что отражает половые отличия в потреблении вина. Приведенные факты позволяют с достаточной долей уверенности предположить, что дети потребляли вино в значительно меньшем объеме и реже, чем взрослые. Исходя из общей логики процессов и последующего опыта европейской цивилизации, можно предположить (правда, с меньшей степенью достоверности), что детская норма разведения вина водой приближала напитки детей к винам минимальной крепости, употребляемым взрослыми. Двадцатикратное разведение вина означало лишь один из вариантов потребления его мужчинами, ибо Гомеру хорошо известны издержки раскованного хмельного поведения. Одиссей говорит: «Сила вина несказанна: она и умнейшего громко // Петь, и безмерно смеяться, и даже плясать заставляет; // Часто внушает и слово такое, которое лучше б // Было сберечь про себя...» [Od., XIV, 464-467]. Пряча оружие, Одиссей предлагает вполне правдоподобный исход событий: «Может от хмеля вражда загореться лихая; // Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится: // Само собой прилипает к руке роковое железо» [Od., XVI, 292-294]. Передавая инструкцию верным людям, Телемах дословно повторяет слова отца [Od., XIX, 11-13].

Вышеупомянутый Ельпенор во хмелю сорвался с крыши и сломал себе шейный позвонок [Od., X, 552-560]. Отвратительно выглядит опьянение Полифема [Od., IX, 346-374]. Антиной «богоравный» произносит целую антиалкогольную проповедь, сопровождаемую историческими отступлениями [Od., XXI, 293-304]. По поводу последствий употребления алкоголя появляются негативные клише, «ярлыки». Первое упоминание особенностей поведения под влиянием психоактивных веществ встречается в гомеровском эпосе в негативном контексте. Гневаясь на Агамемнона, Ахиллес восклицает: «Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя!» [Ill., I, 225]. Пьянствуют женихи [Od., XIV, 95], нищий Ир [Od., XVIII, 3] и вышеупомянутый кентавр Евритон [Od., XXI, 304]. Женщины не замечены в издержках хмельного поведения, к ним не относятся ярлыки пьянства. Это свидетельство в пользу предположения, что доступ прекрасной половины общества гомеровского периода к потреблению психоактивных веществ был очень сильно ограничен, хотя вообще не закрыт, в отличие от раннего Рима. Гомером многократно описаны возлияния вином (Илиада - 10 раз - I, 464; II, 341; VII, 480-481; IX, 175-177; IX, 500; XXIII, 196, 218-220, 250; XXIV, 70, 791. Одиссея - 13 раз - III, 332-333, 341-342, 395, 459; VII 137, 165; VIII, 432; X, 519; XI, 127; XII, 362; XIII, 154; XVIII, 151; XXI, 274). Однако экстраполировать сакральные функции вина на другие сферы неправомерно. Характерна модернизация нашего источника в фильме «Одиссея». Символом встречи с долгожданной Итакой является вино. Одиссей, осознавая на уровне ощущений свое возвращение на Итаку, восклицает: «Это мой сыр, мое вино, мой хлеб!». У Гомера первая встреча царя Итаки со своим островом расписана подробно [Od., XIII, 187-440, XIV, 1-533], но нет и намека на символическое значение алкогольного напитка. Более того, первую часть встречи со свинопасом Одиссей ведет себя скрытно: Евмей говорил, «а гость той порою ел мясо, усердно // Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя» [Od., XIV, 112-113]. По поводу отношения богов к алкоголю в источниках нет единства. Из «Илиады» мы узнаем о богах: «Ибо ни брашн не едят, ни от гроздий вина не вкушают; // Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают» [Ill., V, 341-342]. Согласно «Илиаде», у Зевса есть виночерпец - Ганимед [Ill, XX, 234], но этот термин, видимо, появился в столетия, последующие за гомеровским периодом. Греки стали тогда вина употреблять больше, представление о непьющих вино богах тогда подзабылось, и Ганимед обрел «специальность», с которой он вошел в древнегреческую, а через неё и в российскую культуру. В «Одиссее» Афине приятно, что ей предлагают кубок вина [Od., III, 46-52]. Однако она в данный момент она выступает в человеческом облике (странника), да и вина она не употребляет, а использует его для возлияния. Прямой формулировки о неупотреблении богами вина в «Одиссее» не содержится, однако есть противопоставление близкое по смыслу. Одиссей получает привычные для людей еду и питье, а Каллипсо, расположившейся напротив, рабыни подают

амброзию и нектар [Od., V, 196-199]. Бог-покровитель виноделия – Дионис упоминается в поэмах всего 4 раза. С.Ошеров комментирует данную проблему так: «В период создания гомеровских поэм греки еще не знали почитания Диониса, поэтому в «Одиссее» он встречается лишь в тех местах, которые считаются позднейшими вставками» [12, 415]. Современный исследователь Трабулси не согласен с поздним появлением Диониса в пантеоне богов: «Это «отсутствие» не является аргументом в пользу позднего появления бога», но чуть позже утверждает: «В произведениях Гомера, Дионис не является богом вина» [13, 42]. Может быть, ключ к ответу заключен в редакторской роли Писистрата по отношению к поэмам Гомера? Косвенно говорит об этом и скудность застольного инвентаря. Самым лучшим с художественной точки зрения сосудом той эпохи является погребальная ваза - Дипилонская амфора VIIIв. до н.э. бога Диониса не представляет. Показательна роль Диониса в поэмах Гомера. Прочное место в «Илиаде» и «Одиссее» занимают Зевс, Гера, Афродита, Афина, Арес, Посейдон, Гермес и другие боги. Но во всех четырех фрагментах Дионис может быть безболезненно замещен другим богом или изъят из повествования, и ни одна из сюжетных линий не будет прервана. Об Ариадне говорится: ...убила ее Артемида тихой стрелой, наущенная Вакхом... [Od., XI, 325]. Зевс перечисляет свои прежние увлечения, признает, что никем не был так пленен, как ныне Герой, «Даже Семелой, родившей радость людей Диониса» [III., XIV, 325]. Мать хоронит прах Ахилла в урне. «...Дионис ей, сказала, // Ты подарил драгоценную урну, созданье Гефеста» [Od., XXIV, 74-75]. Единственный обстоятельный сюжет, связанный с Дионисом символизирует сопротивление, с каким вталкивался посторонний кусок в уже устоявшуюся ткань повествования: «...могучий Ликург ... // Долго не жил, на богов, небожителей, руки поднявший. // Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха, // Их по божественной Ниссе преследовал: нимфы вакханки // Фирсы зеленые бросили в прах, ... // ... Вакх уstraшенный // Бросился в волны морские ... // Трепетный, в ужас введенный неистовством буйного мужа. // Все на Ликурга прогневались мирно живущие боги; // Кронов же сын ослепил Дриатида; и после не долгой // Жизнию он наслаждался...» [III., VI, 130-141]. Наверное, ... исследователям не удастся установить, что послужило прототипом ... сюжета о трагической гибели царя Ликурга.[2] А сюжет обладает большой не только эмоциональной, но и практической силой. Через много веков Гете призовет избрать в покровители святого Ликурга Фракийского, который ревностно взялся за благое дело, «но был ослеплен и загублен дурманящим демоном Вакхом, тем самым заслужив первое место в сонме великомучеников» [15, 608]. Кроме наличия реальных прототипов, на формирование данного сюжета могло повлиять припоминание о безалкогольном периоде в жизни первобытного человека. В любом случае, можно констатировать, что вино в «Илиаде» и «Одиссее» не является даром Диониса. Косвенным свидетельством отсутствия Диониса в пантеоне богов

гомеровского периода является и археологический материал. В фигурных вазах эпохи, описанных в исследованиях М.И. Максимовой и Н.П. Сорокиной [см.: 16 и 17], нет ни одного изображения, которое бы могло быть отождествлено с богом виноделия. Алкогольный материал не оснащен бытовой символикой винопотребления. Показательно отличие от предыдущей эпохи. Жители Крита во II тысячелетии до н.э. любили пиво (в чем, наверное, можно видеть непосредственное влияние Египта). Это сказалось на посуде. У критян «пивные кружки часто украшались узором из ячменных колосьев» [1, 108]. Можно предположить, что в гомеровский период еще не оформилась аналогичная система символов, характерная для развитой алкогольной культуры. В целом, отношение к алкоголю занимало скромное место в общественном сознании. Употребление вина не представляло острой общественной проблемы. В алкоголе не видели источник поэтического вдохновения. Конечно, можно отметить отдельные факты экспансии алкогольных образов в сферы, не связанные с потреблением психоактивных веществ: побитый Ир «головой мотает, как пьяный» [Od., XVIII, 240], а Агамемнон грозит: «Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется» [Ill., III, 300]. В описаниях Одиссея появляется «Остров... Крит посреди виноцветного моря, прекрасный» [Od., XIX, 172]. Однако контраст наблюдается с современным отношением к психоактивным веществам. Показательна несостоявшаяся экранизация «Илиады» Н.Охлопковым. В центральной (кульминационной) сцене Ахиллес смотрит на чашу с вином: «Ахиллес схватил и придвинул чашу к себе, чуть расплескав вино. Тяжело дыша, покрытый потом, с разметавшимися по лбу волосами, он смотрит на чашу. Вдруг издалека, быстро нарастая, усиливается шум битвы, крики, топот, ржание, и Ахиллесу кажется, что фигуры на чаше начинают оживать... В ужасе смотрит Ахиллес, как оживают на трех поясах чаши воины и вступают в бой со своими врагами. Ахиллес отодвинул от себя чашу, опрокинул ее. Бой на стенках чаши идет в то время, как рука Ахиллеса катает эту чашу по залитому вином столу. Виден на чаше и Гектор, несущийся на ахейцев и разгоняющий их своим мечом...» и так далее [19, 247]. Ничего похожего у Гомера не было. Впрочем, в «Одиссее» есть два сюжета, связанные с алкоголем, которые более поздние военные теоретики античности отнесут к стратегемам [3]. Полиэн, живший во II веке н.э., отмечает: «Кто-нибудь справедливо сможет назвать и имя Никто, и вино, и горящую головню, и барана стратегемами против Киклопа... перенесение в дым оружия опьяненных юношей ... не это ли все были стратегемы против врагов?» [Стратегемы. Книга первая. 10-11]. [4] Поэма Ликофрона (конец IV в. до н.э.) «Александра» в очередной раз подтверждает, сколь важен для художественного сознания сюжет с опьянением Циклопа: «Увидит он жилище одноглазого, // И людоеду грозному потянет он // Бокал с вином – отведать после трапезы» [20, 2, 241]. Если уж алкоголь занимал скромное место в образе жизни, то другие психоактивные вещества тем более играли роль этнографической

дикивинки. Однако и их нельзя сбрасывать со счета, ибо они свидетельствуют, что встреча с нетрадиционными (не интегрированными культурой) психоактивными веществами состоялась у самых истоков античной цивилизации. Об такой встрече подробно рассказал Одиссей: «... посланным нашим // Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской // Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только // Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно // Все позабыл и ... // Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный // Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчизны. // Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я // Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же // ... дал приказанье, ... // Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них некоторый, // Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся» [Od., IX, 91-102]. С. Ошеров посчитал данный сюжет вымышленным: «Волшебное свойство отнимать память приписывается лотосу по созвучию его названия с греческим корнем «лат», обозначающим забвение» [4, 303]. Древним грекам данный сюжет виделся по-другому. После гибели греческих полководцев от коварных персов Ксенофонт держал речь, где, в частности, были такие слова: «... я боюсь, что, приучившись жить в ленности и проводить дни в изобилии и в обществе красивых и величавых женщин и девушек мидийцев и персов, мы, подобно лотофагам, забудем дорогу домой» [Ксенофонт. Анабазис. III, II, 25]. Вспоминали о драматическом эпизоде в судьбе Одиссея и римляне. «Лотос не смог отвратить его от желанной дороги», - писал Тибулл [Тибулл. Элегии. Книга четвертая. I, 55]. Сегодня невозможно точно установить, контакт с каким веществом описан в «Одиссее». Мало вероятно, что точную информацию о технике изготовления такого вещества получил эллин, имевший кратковременный контакт с чужим государством. Очевидно создатель «Одиссеи» поведал нам о каком-то сильном наркотике растительного происхождения. Техника его распространения удивительно похожа на маркетинг современных нелегальных наркотиков: первые дозы распространяются бесплатно и в дружелюбной форме. Последствия - аналогичны современному синдрому отмены. У потребителя налицо зависимость (психическая или физическая). Способ преодоления наркотической проблемы, предложенный Одиссеем, на первый взгляд жесткий, но весьма действенный, совпадает с современными рекомендациями: «переломаться на сухую» в кругу людей, свободных от наркотической зависимости. Показательно, что из жертв лотофагов - а их было трое - в дальнейшем никто не вернулся к своим наркотическим проблемам. Одиссей больше не возвращается к данному сюжету. Это соответствует современным представлениям, что лучшая форма реабилитации - создать для бывшего потребителя наркотиков микросреду, где бы никто не играл провоцирующую роль. Именно такую роль и сыграли Одиссей и его дружина.[5] Соблазнительно отождествить Гомеровский лотос с лотосом египтян. Если дальнейшие исследования подтвердят такое предположение, то

это станет очередным свидетельством точности описания Гомером функций психоактивных веществ в обществе. Употребляя такие вещества в чистом виде, *in vitro*, Гомер и его современники ощущали эффекты наркотических веществ вне культурной ауры, без внушенных эффектов ожидания «кайфа», который свойственен европейской цивилизации в последующие века. Во втором случае появления психоактивных веществ само вещество даже не названо каким-либо собственным именем, но его действие описано еще более четко: «В чаши она круговые подлить вознамерилась соку, // Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье // Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным // Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать, // Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил» и так далее [Od., IV, 220-234]. Установить конкретное вещество, применяемое Еленой невозможно. По механизму действия на личность оно сходно с веществами опиатной группы [22, 3]. Как и в случае с лотосом, здесь отражена реально существующая практика распространения психоактивных веществ - помещать их в пищу втайне от потребителя. Данный акт стал столь актуальным в XX веке, что потребовал специальной статьи в новом российском федеральном законе о наркотических средствах. Однако ни «лотос», ни «гореусладный сок» не вошли в повседневную жизнь эллинов гомеровского периода. Причиной тому были удаленность от источников сырья по их производству и – главное – собственный ограниченный опыт изменения психики с помощью веществ. На решительное отторжение чужеродных психоактивных веществ могла повлиять и проблема зависимости. Гомеровским грекам, насколько это можно проследить по «Илиаде» и «Одиссее», не известна зависимость от психоактивных веществ. Лотофаги клинически чисто продемонстрировали деградацию личности, попадание ее в полную зависимость от психоактивного вещества. Для древнего грека, «одержимого свободой», подобное рукотворное рабство должно было казаться неприемлемым. Итак, общим для всей гомеровской эпохи является:

1. Употребление основного психоактивного вещества эпохи алкоголя - в форме слабоалкогольных изделий.
2. Дороговизна алкогольных изделий.
3. Знакомство греков с другими психоактивными веществами лишь случайно, в результате межкультуральных контактов. Они не входят в модель образа жизни.
4. Алкоголь регулярно используется в качестве возлияний богам.
5. Отсутствие бога - покровителя виноделия.
6. Появление издержек хмельного поведения.
7. Намечающаяся экспансия алкогольных образов в ситуации, не связанные с потреблением психоактивных веществ (мозг, брызнувший из разбитого черепа; цвет моря).
8. Ограниченное потребление вина женщинами.
9. Отсутствие характерной для более поздних моделей поведения роли алкоголя как стимулятора сексуальных контактов.
10. Отсутствие характерной для более поздней эпохи роли алкоголя как стимулятора творческих процессов.
11. Отсутствие характерной для более поздней эпохи роли алкоголя как алиби для выполнения различных действий

(нет стратегии самопомех и т.д.). Единственное исключение способ бросить вызов существующей системе социальных ролей. 12. Первые попытки в античности использовать алкоголь как тактическое оружие. В обеих поэмах изображен мир, довольно однородный с точки зрения употребления психоактивных веществ. Однако наряду с общими чертами, наш основной источник демонстрирует и отличия по отношению к психоактивным веществам. Илиада (15790 стихов) одиссея (12096 стихов) Песни, где нет речи о психоактивных веществах XIII, XV, XVII, XXI-XXII (всего 3468 стихов или почти 22% текста). ----- Боги и неупотребление психо- активных веществ V, 341-343 - боги вина не пьют. Одиссей получает привычные для людей еду и питье, а Каллипсо, подают амброзию и нектар [Od., V, 196-199]. Боги и употребление психоактивных веществ XX, 234 - Ганимед - вино-черпец Зевса. III, 51-54 - Афине приятно, что ей предлагают вино. Крепкое вино ----- IX, 354 - употребляет Полифем. X, 555 - употребляет Ельпенор. Издержки алкоголе-потребления VIII, 228-235 - похвальба в пьяном виде. IX, 45 - полные хмеля спутники отвергают добрый совет Одиссея. IX, 373-374- Полифема рвет. IX, 454-455, 516 - Никто отуманил ум Полифема вином. X, 553-560, XI, 61-66 - Ельпенор гибнет во хмелю XIV, 463-467 - сила вина несказанна, она побуждает совершать неблагоприятные поступки. XVI, 292-294 - может от хмеля вражда загореться XVIII, 231 - вино помутило ум. XVIII, 391 - вино помутило ум. XIX, 11-13 - может от хмеля вражда загореться. XIX, 122 - слезы от хмеля. XXI, 293-304 - неумеренно пьющий вино безумеет, как было с кентавром Евритионом. Ярлыки, связанные с алкоголепотреблением I, 225 - «грузный вином». XIV, 95 - женихи пьянствуют. XVIII, 3 - Ир славен пьянством. XXI, 304 - пьянство кентавра Евритиона. Вино служит утолению жажды XI, 642 ----- Употребление вина женщинами ----- VI, 77-78 - мать дает Навсикае вино. XX, 69 - девочек питают вином. Присутствие женщин на пирах мужчин ----- VIII, 457-469 - Навсикая стоит возле столба в зале, где пирует Одиссей. XVI, 414-449 - Пенелопа выходит в палату, где пируют женихи и останавливается подле столба, закрыв щеки головным покрывалом. Она выступает с упреками за нападки на Телемаха. XVIII, 206-303 - Пенелопа спускается в палату, где пируют женихи и останавливается подле столба, закрыв щеки головным покрывалом, обращается к женихам со словами осуждения. Получив подарки, тут же уходит. XXI, 57-83 - Пенелопа вступает в палату, где пируют женихи и останавливается подле столба, закрыв щеки головным покрывалом. Приносит лук Одиссея. Новые типы психоактивных веществ ----- IV, 220-233 - гореусладный сок Елена добавляет в вино. IX, 83 - 102 - лотос вызывает желание навсегда остаться в чужой стране. Сорта вина Красное (багряное I, 5; I, 462; XXIII, 250; XXIV, 791; пур-пуровое XXIV, 791; черное XI, 774; XVI, 256). Красное (пурпуровое V, 165; IX, 208; XII, 19; XII, 327; XV, 500; светло-пурпурное XIII, 69, XV, 14) Белое (светлое II, 57; III, 391; X, 235; золотое VII, 163; IX, 163; IX, 346-347; XVII, 533; XVIII, 151). Использование алкоголя как

тактического оружия ----- Спаивание циклопа Одиссеем (IX. 346-374).
Перенесение оружия женихов Пенелопы, опьяненных вином (XXIV. 165-166).
Таблица фиксирует вектор движения модели образа жизни в пределах одного периода - расширение роли алкоголя и других психоактивных веществ в культуре гомеровского периода. Причины различий в текстах можно интерпретировать двояко: 1. Автор поэм отразил эволюцию предмета. Общеизвестно, что в основе «Илиады» лежит героизированная история микенского периода, а «Одиссея» вскормлена впечатлениями от походов мореходов начала эпохи «великой колонизации». 2. Различие поэм отразило изменение ценностей самих создателей. В таком случае между ними должно было пройти, как минимум, одно или два-три поколения.[6] Более вероятно второе предположение. Вопрос о психоактивных веществах находился тогда на периферии внимания создателей поэм (может быть, за исключением редактора Писистрата). Удерживая общее направление событий, незначительные бытовые реалии наполнялись современным для создателей содержанием. Показательно, что архаичные части «Илиады» (главы II-IV и VI-VII)[24, 160] не отличаются от остальных глав. Отсутствием темы психоактивных веществ отличаются новые части «Илиады». Согласно современным исследованиям, «в XII – VIII вв. до н.э. Греция переживала ... критическую фазу этногенеза эллинской народности» [25, 118]. Проходила эта фаза в условиях очень скромной роли алкогольных изделий в культуре. Так была заложена черта образа жизни, существенно отличавшая мир эллинов от Древнего Востока. [1] Od., X, 552-553. Ельпенор прославил себя в веках издержками винопотребления. Почти через тысячу лет вспомнит Овидий: «Эльпенор, что в вине неумерен» [Ovid, Metamorph, XIV, 252]. Позже Марциал напишет о Филострате: «Чуть не погиб, испытав Эльпенора печальную участь: // Вниз головой кувырк с лестницы он полетел. // Не пережил бы такой он ужасной опасности, нимфы, // Ежели вместо вина воду бы вашу он пил» [Martial, XI, 82, 3-6]. [2] Р.Грейвс предполагает, что за триумфом Диониса над Ликургом скрывается вытеснение вином других опьяняющих напитков, в первую очередь меда и пива [14, 76-77]. Данное предположение не учитывает скромной роли одурманивающих изделий в жизни первобытных народов [2]. [3] Данное понятие можно перевести как «военные хитрости» или «тактическое оружие». Однако в современной науке термин «стратегемы» используется уже и без перевода. [4] В гомеровских текстах прямо не говорится, что женихи были пьяными в момент похищения их оружия. Однако как могли бы воины-профессионалы не заметить потери своего оружия? Тем более, что было оно очень дорогим! Слово Гомеру: Одиссей «с Телемахом вдвоем все доспехи прекрасные собрал, // В дальний покой перенес их и там запертыми оставил» [Od., XXIV, 165-166]. [5] Сравним опыт Екатеринбургского фонда «Город без наркотиков»: «...если наркомана сажают на трое суток в камеру, через трое суток у него все проходит: психологический настрой – наркотики взять негде. ... за время существования

тюрьмы ни один наркоман не умер от ломки. И тогда мы наркоманов стали просто-напросто закрывать в наручники на две-три недели. Эффект получился колоссальный. На пятые сутки люди, употребляющие наркотики 12-14 лет, засыпали» [21, 3]. Мы можем признать, что Одиссей поступил «жестко, но не жестоко». [6] К аналогичным наблюдениям приходят отечественные и зарубежные исследователи, изучающие творчество Гомера под другим углом зрения: «Язык поэмы, нравы и религиозные верования, описанные в «Одиссее», - все это по меньшей мере на полстолетия ближе к нам, чем «Илиада» [11, 51]. «Илиада» представляет собой эпический синкретизм в пору его расцвета, «Одиссея» - в пору поздней зрелости и предощущения близящегося конца» [23, 14].